

10.00.00.ИЛМҲОИ ФИЛОЛОГИЯ
10.00.00.ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
10.00.00.PHILOLOGICAL SCIENCES

10.01.03.АДАБИЁТИ МАРДУМИ КИШВАРҲОИ ХОРИҶӢ
10.01.03.ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ
10.01.03.LITERATURE OF FOREIGN COUNTRIES PEOPLES

УДК 8Т1
ББК83.3(0)

**МЕСТО НАСМЕШКИ
И НАМЕКА В ТРАКТАТЕ «ЭТИКА
АРИСТОКРАТИИ» УБАЙДА ЗАКАНИ**

*Гаффорзода Шохрух Хабибулло, к.ф.н.,
доцент кафедры таджикского языка и
методики преподавания таджикского языка и
литературы ТНУ (Таджикистан,
Душанбе)*

**ҶОЙГОҲИ ТАМАСХУР ВА КИНОЯ
ДАР РИСОЛАИ “АХЛОҚ-УЛ-
АШРОФ” – И УБАЙДИ ЗОКОНӢ**

*Гаффорзода Шохрух Хабибулло, н.и.ф.,
доценти кафедраи забони тоҷикӣ ва
методикаи таълими забон ва адабиёти
тоҷики ДМТ (Тоҷикистон, Душанбе)*

**A PLACE OF MOCKERY AND HINTS IN THE
TRACTATE ENTITLED AS "ETHICS OF
ARISTOCRACY" BY UBAID ZOKONI**

*Gafforzoda Shohrukh Habibullo, candidate of
philological sciences, Associate Professor of the
department of Tajik language and its methods of
teaching under the TNU (Tajikistan, Dushanbe),
E-mail: shokhrukh.habibi@mail.ru*

Ключевые слова: Убайд Закани, “Ахлоқ-ул-ашроф”, насмешка, намек, критика

В статье речь идет об использовании насмешки и намека и степени их применения в “Ахлоқ-ул-ашроф” Убайда Закани. По словам автора, одна из первостепенных особенностей “Ахлоқ-ул-ашроф” Убайда Закани – это мастерское применение насмешек и намеков, которое специфично для вторых частей глав его произведений, то есть для частей, посредством которых сопоставляются социальные мысли или дидактическая теория Убайда. Хотя эти части являются вторыми, нельзя считать, что они в “Ахлоқ-ул-ашроф” имеют второстепенное значение, так как основная тяжесть критических и социальных мыслей Убайда прслеживается именно в этих частях его произведений. Отмечается, что основная цель поэта в создании произведения, в сущности, является не восхваление морали своих предшественников, которые изображены в первых частях всех глав “Ахлоқ-ул-ашроф”, а критический взгляд на современников и разоблачение их аморальности и легкого поведения в лице аристократии, который отражен во вторых частях произведения. Автор приходит к выводу, что Убайд мог и не приводить их в первой части своего произведения, но так как он был очень не доволен господствующей моралью, питал надежду на нравственность, подобие морали своих великих предшественников и хотел увидеть пример такого рода нравов в аморальной среде своей эпохи. Но из-за отсутствия примера таких нравов принимается за острую критику и строгий упрёк безнравственности своего времени. Критика Убайда относительно аморальности эпохи не является пустой или необоснованной, она, в большинстве случаев, украшена метонимией, аллегорией, насмешками и намеками.

Вожаҳои калидӣ: Убайди Зоконӣ, “Ахлоқ-ул-ашроф”, танз, киноя, танқид

Дар мақола дар хусуси истифодаи танзу киноя ва дараҷаи қорбурди он дар “Ахлоқ-ул-ашроф”-и Убайди Зоконӣ сухан меравад. Қайд мешавад ки, яке аз хусусиятҳои аввалдараҷаи “Ахлоқ-ул-ашроф”-и Убайди Зоконӣ ин қорбурди моҳиронаи танз ва киноя мебошад. Зикр мешавад, ки танзу киноя, аслан, мухтасс бар фаслҳои дуҷуми бобҳои асар аст, яъне қисмате, ки афкори иҷтимоӣ ё назарияи ахлоқии Убайдро қиёс мекунад. Қиёсшаванда фаслҳои аввали бобҳои асар буда, фаслҳои дувум дар он ба ҳайси василаи қиёснамоӣ иштирок менамоянд. Собит мешавад, ки фаслҳои дувум дар “Ахлоқ-ул-ашроф” мақоми дувум доранд, чун интиқодот ва вазни асосии суханони иҷтимоӣ Убайд дар ҳамин қисмати бобҳои асар аст. Ба ақидаи муаллифи мақола, мақсуди ҳуди Убайд ҳам аз эҷоди асараш, аслан, на таърифу тавсифи ҳолис аз ахлоқи мутақаддимон ё бузургони пешин аст, балки ҳадафи ниҳони вай ифшои ахлоқи ноустувор ва номустаҳсану ношоистаи бузургони муосири худ мебошад, ки дар фаслҳои дувум баррасӣ

гардидаанд. Муаллиф ба чунин хулоса меояд, ки Убайд метавонист дар асари мазкури хеш фаслҳои аввалро наёрад. Аммо, чун вай аз ахлоқи роҷ ва ҷориҳои даврони худ ба кулӣ норизо буд, бинобар ин, дар орзуи ахлоқи ҳаммонанди сирати бузургони пешин буд ва мехост намунае аз ҳамчунин ахлоқро дар ҷомеаи бадахлоқи худ дарёбад. Аммо чун нишоне аз чунин ахлоқро дарнамеёбад, ба нақди шадид ва нақӯҳиши сахти ахлоқи даврони худ даст мезанад. Вале интиқодоти Убайд аз авзои муташианниҷи замон ва фазои аз ахлоқи маънавиёт муаррои он хушқу холӣ нестанд, онҳо дар аксари маворид дар пардаи маҷозу киноя ва танзҳои сахту бебокони пардохта шудаанд.

Key-words: Ubaid Zakani, “Akhloh-ul-ashrof”, mockery, hint, criticism

In his article the author speaks about resorting to mockery and hint and the degree of their application in “Akhlok-ul-ashrof” by Ubaid Zakani. In conformity with the author’s opinion one of the primary peculiarities of “Akhlok-ul-ashrof” by Ubaid Zakani being as a masterful usage of the former, which is specific to the second parts of the chapters of his literary productions, that is, to the parts through which social thoughts or Ubaid’s didactic theory are compared. In spite of these parts are the second, it cannot be considered that they are of secondary importance in “Akhlok-ul-ashrof”, since the main weight of Ubaid’s critical and social thoughts is traced precisely in these parts of his literary productions. It is underscored that the main aim of the poet in creating a work, in essence, is not to praise the morality of his predecessors, which are depicted in the first parts of all chapters of the latter, but a critical look at his contemporaries and exposing their immorality and easy behavior in the person of the aristocracy, which is reflected in the second parts of the literary production. In a nutshell, the author of the article comes to the conclusion that Ubaid might not have cited them in the first part of his literary production, but since he was very dissatisfied with the prevailing morality, he hoped for morality, a semblance of morality of his great predecessors and wanted to see an example of this kind of mores in his immoral environmental epoch. But due to the lack of an example of such morals, it is taken for sharp criticism and a stern reproach for the immorality of his time. Ubaid’s criticism of the immorality of the era is not empty or unfounded, it is adorned with metonymy, allegory, ridicule and allusions in most cases.

Насмешка и намек в критических мыслях Убайда Закани формируют прочные основы его дидактической теории. Насмешка и намек Убайда, особенно в «Ахлоқ-ул-ашроф», являются средством сопоставления, без них его мысли почти потеряют силу воздействия и будут звучать как простая критика. Под воздействием иносказания критические мысли писателя оживают, обретая возможность на бытие в обществе. Поэтому художественное осмысление «Ахлоқ-ул-ашроф» в основном осуществляется посредством действенных насмешек и намеков, которые представляют его как один из самых лучших художественных произведений в истории персидско-таджикской литературы.

Иранский исследователь Гудманан Раззак Курбан в своей работе, посвященной сатире в “Маснави Ма’нави” Джаладдина Балхи, наряду с шутками (*хазл*), сатирой (*хаджв*), находчивостью и остроумием (*фукоха*), насмешку (*танз*) считает одной из четырех разновидностей красноречия, что заслуживает внимания [3,с.7]. Но в добавление к высказываниям упомянутого исследователя можно сказать, что из всех вдохновляющих средств насмешка больше всего близка к аллегории, так как основным элементом насмешки является намек и иносказание, которые писатель использует с целью большего нравственно-психологического и художественно-эстетического воздействия на читателя. Следует также отметить, что, хотя высказывания Убайда обильны насмешками и шутливыми выражениями, он, на самом деле, не является шутником или сатириком. Ведь литературная миссия Убайда не состоит в прямой насмешке и издевательствах над лицами, окружающими его, а в общей и серьезной критике своего общества, в особенности, аристократии и вельмож, утопающих в аморальности. Убайд является серьезным критиком своего века, и его взгляды на общество в основном прослеживаются в его острой критике, нежели в простых насмешках и тонких упреках. Критические взгляды Убайда не касаются отдельных лиц и не являются заказными со стороны некоторых представителей знати для измыывательства над другими лицами, эти высказывания имеют общую цель и нацелены на критику аморальности и невежества кругов знати. Критический взгляд Убайда с этой точки зрения стоит выше обыкновенных насмешек, которые часто используют простые люди для своего утешения. Поэтому, как было упомянуто выше, целью или центром внимания Убайда в острой критике, осуществлявшейся в оболочке насмешек и иронии, не являются отдельные лица, так как его совесть стоит выше враждебных людей и он не несет вред какому-нибудь отдельному человеку. Убайд не стремится наполнить ядом чашу веселья людей, позорить их и делать кого-то несчастным, как отмечает Мохавзи,

чтобы своими упреками умалять авторитет какого-нибудь лица в обществе и, таким образом, утешать свою жажду ненависти [7, с.83].

Причина использования насмешек и иронии, в основном, скрывается в реакции Убайда и в его социальном протесте в отношении падшей нравственности своего общества. В «Ахлок-ул-ашроф» иногда автор упоминает отдельных лиц, но конкретные имена в нем встречаются весьма редко. Положительные образы в данном произведении в основном использованы в первых частях глав, являющихся хвалебными, посвященных лицам, которых он называет *хаким* (ученый), *хукамо* (ученые), *акобири салаф* (великие предки), *сукот* (сказители, разказчики), *кудамо* (древние – о людях). Образы, подвергающиеся критической оценке Убайда, в большинстве своем встречаются во вторых частях глав книги и тоже имеют общее название, автор при их напоминании только указывает на их занятие и профессию или на их социальную и слойную принадлежность, не конкретизируя, например: *султан, мир, визирь, эмир, полководец, казий, факих* (исламский законодатель), *шейх, ваиз* (проповедник), *захид* (отшельник), *асхоб* (хозяйева)...

Среди всех отрицательных образов, изображенных во вторых частях, под критическое перо Убайда попадают чаще всего представители религии, особенно высшее духовенство, к которым, в первую очередь, относятся казий, факих, шейх и т.п. Такое отношение Убайда, по нашему мнению, является реальным относительно высшего духовенства, а не личная неприязнь к отдельным лицам, так как высшее духовенство его времени своим нечеловечным поведением и корыстными целями в большинстве случаев подстрекало султанов и эмиров, государственных вельмож и аристократов к причинению большого вреда обществу, в частности низшим слоям населения. Вместе с тем не следует критическое отношение Убайда принимать за ненависть к религии и святым канонам или ко всем представителям высшего духовенства, так как среди этого слоя были также люди, которые действительно являлись учеными и своими серьезными научными трудами представляли науку своей эпохи, в особенности, религиозную науку. Также противостояние и протест Убайда относительно представителей высшего духовенства не следует принимать за богохульство или безбожие и ересь, он как представитель мусульманского общества своей эпохи был далек от таких мыслей и являлся искренне верующим человеком. Но, так как большинство представителей духовенства его времени были погружены в нечистивый образ жизни и смысл мирской жизни, как и другие аристократы, видели во взятке, лести и наслаждении, Убайд не мог пройти мимо такой непорядочности и безнравственности. По этому поводу Холик Мирзозода утверждает очень кстати: “Единственным врагом Убайда являлась религия, духовенство, аскеты, шейхи и муллы, которые питались кровью народа” [5, с. 6]. Хотя слова упомянутого исследователя в некоторой степени заслуживают внимания, к ним можно добавить, что Убайд испытывал ненависть к тем представителям духовенства, которые, как было упомянуто выше, были в одной цепи невежества и беспредела с другими угнетателями, к которым в первую очередь относится придворная аристократия. Муса Раджабов в своем ценном труде “Мировоззрение Убайда Зокони” уместно отмечает по этому поводу: “Убайд Зокони обрушивает огонь сатиры на голову тех проповедников аристократической морали, которые считали бесполезными, ненужными, вредными такие понятия, как стыд, совесть, верность, сочувствие и т.д.” [8, с.97]. Хотя упомянутый исследователь указывает только на одного представителя высшего духовенства – проповедника-ваиза, но его слова можно отнести и к остальным лицам духовной прослойки. А то, что Х. Мирзозода указывает на ненависть Убайда к религии, по нашему мнению, в некоторой степени не соответствует действительности, притом что он жил в среде, охваченной религиозным фанатизмом, и по этой причине никак не мог напрямую противостоять исламу, которому был подчинен духовный образ жизни его общества. Также, то, что Х. Мирзозода, опираясь на нижеследующий бейт Убайда, приведенный в «Ахлок-ул-ашроф» в качестве доказательства своей метономической мысли, называет Убайда беспечным в отношении канонической религиозной темы, не соответствует истине:

*Онро, ки додаанд, ҳамин чо-и додаанд,
В-онро, ки нест, ваъда ба фардо-и додаанд [6, с. 4].*

*Тому, кому дали, дали в этом мире,
Тому, кому не дали, обещали к завтрашнему дню.*

Исследователь по этому поводу отмечает: “Характерное значение этого бейта всем понятно. Он (Убайд – Г.Ш.) этим бейтом доказывает, что ад, рай, страшный суд и день возмездия не существуют” [6, с.4]. Конечно, точку зрения исследователя относительно значения данного бейта в целом можно принять. Но то, что данный бейт, по мнению упомянутого ученого, является

прямым доказательством беспечности Убайда к каноническим религиозным темам, нуждается в пояснении, так как он склонен к мнению о том, что Убайд является неверным и вероотступником. Удивительно, что видный ученый-литературовед не упоминает о метонимическо-аллегорическом значении бейта, ведь в данном бейте Убайд передает мысль своих современников, господствующую мораль своей эпохи, а не самого себя. Но другой таджикский литературовед, М. Бакоев, в своем исследовании, посвященном жизни и творчеству Убайда Закани, отмечает, что все стихотворные примеры, использующиеся в «Ахлок-ул-ашроф», приведены автором для подтверждения своей мысли [1, с.87]. Данное мнение исследователя заслуживает внимания, так как в своих мыслях Убайд критикует и высмеивает это время. Закани посредством этого бейта указывает на невежество господствующей морали, в особенности представителей высшего духовенства, к которым Ходжа Хафиз – другой великий современник Убайда, как всем известно, тоже испытывал большую ненависть.

Но следует напомнить, что Убайд является человеком своего времени и по отношению к тиранам и безрассудным людям, особенно влиятельным лицам духовенства, как и все люди, испытывает страх, и скорее всего по этой причине не мог в своих заметках указывать личные имена. Читая прозаические произведения Убайда и его указания на вельмож и аристократию, можно прийти к выводу, что среди эмиров не только один эмир, среди визирей не только один визирь, среди представителей высшего духовенства не только один факих, казий, шейх, ваиз или захид и, таким образом, среди всех представителей высшего класса не отдельно взятые лица увлекались беспутством и безнравственностью, и, если верить критическим взглядам Убайда, это у них было всеобщее занятие. Как указывают также исторические источники, вышедшие в период властвования политических династий Ирана XIV века, таких как Ильханиды, Джалараиды, Музаффариды и Инджуиды, почти все влиятельные люди: чиновники, аристократия и высшее духовенство, или, как указывает сам Убайд, “хозяева” и “благородные”, поголовно были погружены в гнёт и аморальность.

В третьем томе «Ахлок-ул-ашроф», посвященной теме невинности, во второй части от имени вельможи своего времени обсуждает круг их мировоззрения. Особенности произведения Убайда заключаются в том, что в нем безнравственное поведение или аморальность аристократов представляется самими носителями безнравственности. Вероятно, таким образом Убайд намеревался уберечь себя от гнева отдельных лиц, относящихся к высшему слою, и по этой причине свою точку зрения выражал не от своего имени, так как, согласно законам шариата, он знал, что высказывание (“қавли қавл”) не является грехом или правонарушением и не подлежит обсуждению перед законом. Но, несмотря на то, что слова Убайда изложены в форме «высказывание высказывания», сочинил их сам поэт, а никто другой. Другими словами, высказывания Убайда выражены в соответствии со склонностью аристократов к безнравственности и спецификой их образа жизни, которая серьезно отличалась от образа жизни его предшественников, характеризовавшейся своей положительностью. Как отмечает Убайд, “асхоб” (“хозяева”) его времени придерживаются такой точки зрения, что нравственность предшественников сегодня отменена и “тот, кто склонен к их морали, не извлекает выгоду из жизни”. То, что отмечено в священной книге “Коран”, имеется в виду мирское увлечение, веселье и наслаждение. “Асхоб” также повелевают, что “развлечение и распутство без средства наслаждения (которые отменены шариатом), невозможны и сбор имущества без огорчения, гнёт и клевета и злоязычие без обиды также невозможны”. “Поэтому,- продолжает Убайд их устами,- тот, у кого есть качество невинности, не может наслаждаться настоящей жизнью; невинному человеку, если он погружается в свою невинность и проводит свою жизнь в рамках нравственности, возможно за всю жизнь больше не выпадет такой удобный случай” [1, с.147-148].

Слова, которые Убайд изрекает устами самих “асхоб”-“хозяев”, являются острыми насмешками относительно их образа жизни. Посредством повелений “хозяев” автор, высмеивая их, выставляет напоказ свои критические мысли. Во второй части четвертой главы «Ахлок-ул-ашроф», посвященной справедливости “асхоб”-“хозяев”, Убайд устами современников – знати, высмеивает их справедливость, подвергает острой критике их нрав и, таким образом, указывает на их склонность к гнёту и насилию. В том числе, о справедливости предшественников и взгляде современников к их справедливости говорит: “*Ў (Ануширван – Г.Ш.) аз ракокати раъй ва тадбири носавоби вузарои ноқисақл шеваи адл ихтиёр кард. Дар андак замоне кунгураҳои айвонаш бияфтода ва оташкадаҳо, ки маъбади эшон буд, ба як бор оташ бимурд ва асари эшон аз рӯйи замин маҳв шуд... Умари Хаттоб, ки ба адл мавсуф буд, хишт мезад ва нони ҷав мехӯрд*” (“Он (Ануширван – Г.Ш.) от слабости нрава и из-за неразумного совета

глупых визирей выбрал справедливость. В короткое время купола его двора упали и храмы, которые были их местом поклонения, уничтожены огнём и их след исчез с лица земли... Умар Хаттаб, который стал известным своей справедливостью, формовал кирпичи и удовлетворялся лишь ячменным хлебом”) [2,с.151].

Как видно, средством выражения в вышеупомянутом тексте выступает насмешка и намек. Цель Убайда от критического изображения нрава и образа жизни предшественников, в основном, заключается в метонимическом изображении нравственности своих современников. Посредством насмешки он “хваля” гнёт и насилие Заххока, Муовия, Бахтуннаса, Чингизхана и Хулакухана, метонимически изображает их склонность к методам правления упомянутых правителей-угнетателей: “Заххоки този ва Яздичурди базаҳқор... ва дигар мутааххирон, ки аз ақиб даррасиданд, то зулм мекарданд, ҳар рӯз давлати эшон дар тараққӣ буд ва мулк барқарор ва хазоин маъмур ва хасмон мақхур... Муовия ба баракати зулм мулк аз дасти Алӣ... бадар бурд. Бахтуннаср то дувоздаҳ ҳазор пайғамбари бегуноҳро дар Байтулмақаддас накушт ва бист ҳазор пайғамбарро асир накард, дастурдорӣ нафармуд ва давлати ӯ арҷ накард ва дар ҷаҳон сарафроз нашуд. Чингизхон, ки имрӯз ба кӯриш аъдо дар дарк бар асфал пешиво ва муқтадои муғулони аввалин ва охири аср, то ҳазорон ҳазор бегуноҳро ба теги бедареғ дарнаёвард, подшоҳии рӯйи замин бад-ӯ муқаррар нагашт” (“Аравиец Заххок и грешник Яздиджурд... и другие, последовавшие им, когда применяли гнёт и насилие, их держава и государство день за днём укреплялась и казна пополнялась и враги были побеждены... Муовия, благодаря гнёту, приобрел государство из рук Али. Бахтуннаср до тех пор, пока не уничтожил двенадцать тысяч невинных пророков в Иерусалиме и не взял в плен двадцать тысяч святых, не мог овладеть правлением, и его государство не развивалось, и не приобрел известность”) [2, с. 151].

Цель Убайда, как видно из данных строк, не только описание образа жизни вышеупомянутых султанов-тиранов, он таким образом намекает на то, что правители его времени тоже обладают такой манерой. Если, например, целью Убайда при описании упомянутых султанов являлась только характеристика их гнёта, воздействие его слов уменьшилось бы до крайности, так как эти слова до Убайда неоднократно были приведены в исторических источниках и читатель не нуждался бы в повторном прочтении вникнуть в его высказывания. Поэтому основной целью автора при описании предшествующих султанов является метонимическое высказывание относительно гнета и насилия вельмож-современников. В одном рассказе данной главы, в котором Убайд описывает Хулакухана, воздействующей насмешкой упоминает о невежестве и безнравственности монгольского султана и, вместе тем, остро намекает на аморальное положение своей эпохи. Рассказ начинается так: *Хулакухон пас тасарруфи Бағдод мефармояд, ки мардумро дар як ҷо ҳозир кунанд. Баъд аз он ки аз ҳоли мардум воқиф мешавад, амр медиҳад, ки косибону ҳунармандро озод намоянд, то аз паси кори худ шаванд. Тоҷиронро низ афв намуда, бар онҳо мефармояд, то барои вай тиҷорат бикунанд. Муханнасонро амр медиҳад, ки ба ҳарам бубаранд ва ҷӯҳудонро бо супурдани ҷизя амон медиҳад. Чун навбат ба аҳли илму фазл ва паҳлавонон мерасад, амр ба қатли ҳамаи онҳо медиҳад: “Содот ва қуззот ва машиоих ва сӯфиён ва ҳоҷиён ва воизон ва муаррифон ва қаландарон ва гуштигирон ва шоирон ва қиссахононро ҷудо карда, фармуд, ки инҳо дар офариниши зиёдатанд ва неъматӣ Худо ба зиён мебаранд. Фармуд ҳама дар Шатт зарқ карданд ва рӯйи замин аз хубси эшон пок кард. Лочарам қурби навад сол подшоҳӣ дар хонадони ӯ бимонд ва ҳар рӯз давлати эшон дар тазоюд буд”* (Хулакухан после завоевания Багдада приказывает собрать (покорённый) народ в одно место. Осмедовившись об их положении, приказывает освободить мастеров и ремесленников, чтобы занимались своими работами. Купцов тоже помилует, чтобы они занимались торговлей в его пользу. Женоподобных (как сам Убайд их называет “хиз” или “муханнас”) приказывает вместить в его гарем, а евреев освобождает лишь для джизьи (подушной подати). Как настал (пришел) черед ученых и людей искусства, приказал всех казнить: “Сейидов (благородные по происхождению), казиев, шейхов, суфиев, хаджиев, ваизов (проповедники), толкователей (Корана), отшельников, борцов, поэтов и рассказчиков отделили (от других) по той причине, что они являются лишними в творении Бога и его блага тратят попусту. Повелел всех потопить в Шатт (река в Багдаде – Г.Ш.), и, таким образом, поверхность земли очистил от их гадости. Вследствие этого, почти 90 лет царство не покидало его семейство и их государство день за днем развивалось”) [2,с.151-152].

Выражения “ученые и люди искусства, “являющиеся лишними в творении и попусту тратившие блага Бога”, “очистить поверхность земли от их гадости” и “ежедневное развитие государства Хулакидов” являются насмешками и намеками относительно насилия и невежества Хулакухана. После “восхваления” Хулакухана, Убайд, начиная “критику” Султана Абусаида

Бахадурхана, являющегося последним представителем династий Ильханов, насмешкой цитирует: “*Абӯсаиди бечора...- ро чун дагдагаи адолат дар хотир афтод ва худро ба шиори адл марсум гардонид, дар андак муддате давлати сипарӣ шуд ва хонадони Ҳулокухон ва масоми чамилаи ӯ дар сари нияти бади Абӯсаид рафт*” (Бедняга Абусаид, так как желал применять справедливость и украшал себя лозунгом и девизом справедливости, в короткое время его государство пало и династия Хулакуидов и его прекрасные старания пропали проподом из-за этой цели) [2,с.152].

Читатель, если не заметит иронии в метономических высказываниях автора, придёт к мысли, что он на самом деле критикует Абусаида и его справедливость. Но, после того как догадывается о цели автора и его глубоком иносказании, перед ним раскрывается совсем другой мир и иная картина, противопоставленные внешней оболочке слов автора и отличающиеся наружными значениями текста.

Одна из других особенностей содержания и структуры «Ахлок-ул-ашроф» заключается в том, что в нем использованы рассказы и легенды, имеющие реальный характер. Холик Мирзозода относительно жанра рассказа отмечает, что, “хотя рассказ является небольшим жанром, писатель может в этом объеме ясно и реалистически изображать одно или несколько событий жизни, внешнее и внутреннее состояние в действиях героев” [4, с.122]. В связи с замечаниями исследователя можно подчеркнуть, что Убайду Закани тоже удалось мастерски применить эти свойства, характерные жанру рассказа, так как он в малом объеме и очень коротким высказыванием, примером которого является вышеприведенный рассказ, мог изобразить реальную картину и посредством ее метономически выразить свой критический взгляд относительно гнета и насилия султанов и вельмож своей эпохи.

В «Ахлок-ул-ашроф» в ходе семи глав Убайд Закани, ведя речь о мудрости, храбрости, невинности, справедливости, щедрости, мягкосердечии и степенности, стеснительности, искренности и милосердии, по каждой теме использует рассказы и легенды для аргументированности своих мыслей. Цель автора в описании нравов предшественников, в основном, является их восхваление, а современников – критика и разоблачение их аморальности и невежества. Искренние восхваления автора относятся к первым частям всех глав произведения, а его критические взгляды и насмешки – ко вторым частям. Если во вторых частях иногда встречаются восхваления, то они проникнуты намеками и иносказаниями и выражены аллегорически, так как цель Убайда в этих восхвалениях, в действительности, является их противоположное значение. Следовательно, похвала современников автора – является метонимической, так как основная цель самого автора - это критика аморальности и распутства своих современников, а не их восхваление.

В заключение можно отметить, что «Ахлок-ул-ашроф» Убайда Закани по структуре, строению и содержанию, стилю и манере выражения является одним из лучших прозаических художественных произведений персидско-таджикской классической литературы XIV века, и с точки зрения новых идей и мыслей, критического взгляда и реалистического описания не имеет себе равных, представляя своего создателя на арене прозы как одного из величайших критиков-сатириков всех времен.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Персидско-таджикская литература в XII-XIV.- Вторая книга. Ответственный редактор: Расул Ходизода.- Душанбе: “Дониш”, 1983.- 229 с. (на тадж. языке)
2. Зокони, У. Произведения / У.Зокони. С исправлением и оглавлением Джобулко Додалишоева. Под редакцией Асгар Джонфидо и Аълохон Афсахзод.- Душанбе: “Дониш”, 1991.- 212 с. (на персид. письм.)
3. Гудманан, Разак Курбан. Сатира в “Маснави Маънави” Джалаладдина Балхи / Разак Курбан Гудманан: Автореф. дис. ... канд. филол. наук /10.01.03/- Душанбе, 2011.- 24 с.
4. Мирзозода Х. Возможности жанра рассказа и мастерство писателя / Х. Мирзозода // Садои Шарк.- №5, 1981.- С. 122-129 (на тадж. языке)
5. Мирзозода, Х. Великий сатирик Убайд Зокони /Х. Мирзозода // “Учительская газета”.- Орган ЦНК и Союз работников начальных и средних школ и Центрального союза работников высших школ и исследовательских и просветительно-политических организаций Тадж. ССР.- №32 (594), 14-го июля 1939.- С. 6 (на тадж. языке)
6. Мирзозода, Х. Великий сатирик Убайд Зокони /Х. Мирзозода // “Учительская газета”.- Орган ЦНК и Союз работников начальных и средних школ и Центрального союза работников высших школ и исследовательских и просветительно-политических организаций Тадж. ССР.- №35 (596), 30-го июля 1939.- С. 4 (на тадж. Языке)

7. Мохавзи, М. Избранное персидской поэзии и прозы, или персидский и письмо / М.Мохавзи.- Том 1 и 2.- Тегеран: “Асотир”, 1389 х.ш.- 402 с. (на персид. языке)
8. Раджабов, М.Мировоззрение Убайда Зокони/М.Раджабов.- Сталинабад: Таджикгосиздат, 1958.- 113 с.

REFERENCES:

1. Persian-Tajik Literature Referring to the XII-th – the XIV-th Centuries. The second book. Editor-in-charge: Rasul Khodzoda. - Dushanbe: Knowledge, 1983. - 229 p. (in Tajik)
2. Zokoni, Ubaid. Literary Productions / Ubaid Zokoni. Corrected and enlarged by Dzhobulko Dodalishoev. Under the editorship of Asghar Jonfido and Alohon Afsakhzod. - Dushanbe: Knowledge, 1991. - 212 p. (in Persian)
3. Goodman, Razak Kurban. Satire in “Masnavi Manavi” by Jalaladdin Balkhi / Razak Kurban Goodman: synopsis of candidate dissertation in philology /10.01.03/. - Dushanbe, 2011. - 24 p.
4. Mirzozoda Kh. Possibilities of the Genre of Story and the Writer`s Mastership / Kh. Mirzozoda // Sadoi Sharq. - №5, 1981. - P. 122 – 129. (in Tajik)
5. Mirzozoda, Kh. Great Satirist Ubaid Zokoni / Kh. Mirzozoda // “Teachers” Newspaper” - The organ of the Central Scientific Center and the Union of Primary and Secondary Schools Workers and the Central Union of Workers of Higher Schools and Research and Educational-Political Organizations of the Taj. SSR. - No. 32 (594), 14th July 1939.- P. 6 (in Tajik)
6. Mirzozoda, Kholik. Great Satirist Ubaid Zokoni / Kh. Mirzozoda // “Teachers” Newspaper” - The organ of the Central Scientific Center and the Union of Primary and Secondary Schools Workers and the Central Union of Workers of Higher Schools and Research and Educational-Political Organizations of the Taj. SSR. - No. 35 (596), July 30, 1939. - P. 4. (in Tajik)
7. Mokhavzi, Mahdi. Selected Persian Poetry and Prose or Persian Writing / Mahdi Mohavzi. – V.V. 1-2. - Tehran: Asotir, 1389 h.sh. - 402 p. (in Persian)
8. Rajabov, Musa. Ubaid Zokoni`s Worldview / Musa Radjabov. - Stalinabad: Tajikgosizdat, - 1958. - 113 p.